

Е.В. Вострикова, П.С. Куслий

ТРИВИАЛЬНОСТЬ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

Статья посвящена исследованию семантики вложенных вопросов (вопросительных придаточных предложений), а также природе ограничений на сочетания интенциональных глаголов с декларативными и вопросительными придаточными предложениями. Авторы показывают, что данная проблематика восходит к ключевым аспектам семантической и когнитивной программы Г. Фреге и имеет ключевое значение для философии языка. Используя аналитический аппарат современной семантики, авторы исследуют данную тему на материале новейших теоретических работ. Они показывают, как семантика вложенных вопросов способствует выработке нового взгляда на структуру смысла и когнитивный потенциал людей, использующих сложноподчиненные предложения. Также авторы выявляют ряд теоретических недостатков и эмпирических ограничений современных теорий семантики вложенных вопросов и указывают на дальнейшие направления развития данной проблематики.

Ключевые слова: семантика вопросов, сообщения о верованиях, L-аналитичность, философия языка

Для цитирования: *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Тривиальность и грамматическая корректность: современные проблемы интенциональной семантики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 52–68.

1. Введение

Как хорошо известно, Г. Фреге сделал семантический анализ сообщений о психических установках субъекта, т.е. предложений типа (1), инструментом для исследования структуры объективного содержания сознания человека¹.

(1) Андрей считает, что Маша курит.

Фрегевское понятие мысли, как смысла предложения и того, что в (1) обозначает придаточное предложение, в современной философии языка было заменено понятием пропозиции. Пропозиция – это множество возможных миров (или ситуаций), в которых главное или придаточное повествовательное предложение истинно. Семантический анализ, предложенный Я. Хинтиккой², представлял сообщения о психических установках субъекта как утверждения об определенном отношении между субъектом и пропозицией (поэтому такие сообщения еще известны как сообщения о пропозициональных установках). Ключевым элементом этого анализа является понятие множества миров, совместимых с верованиями индивида. Речь идет о возможных мирах, где выполняется все то, во что верит индивид (например, если он верит, что снег красен, то мы рассматриваем миры, где снег красен). Используя это понятие, мы можем сказать, что предложение (1) истинно в мире оценки w , только если во всех мирах, совместимых с верованиями Андрея, Маша курит³.

Исследование данной проблематики в философской литературе было в основном сосредоточено на проблеме интерпретации единичных (референциальных) выражений, входящих в придаточное предложение такого сложноподчиненного предложения как (1). Необходимость более сложных подходов, чем тот, что изначально предложил Фреге, была в явном виде установлена У. Куайном⁴. Современные исследования представляют множество сложных механизмов, которые, делая семантику сообщений о пропозициональных установках все более чуткой к различным релевантным нюансам, все более точно выявляют структуру смысла и, тем самым, предлагают все более точную экспозицию тех принципов, по которым организуется человеческая мысль⁵.

¹ Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика М., 2000. С. 230–246; Он же. Мысль. Логическое исследование // Там же. С. 326–342.

² Hintikka J. Semantics for propositional attitudes // Philosophical logic. Dordrecht, 1969. P. 21–45.

³ Подробнее об этом см., например: Von Fintel K., Heim I. Intensional semantics. Unpublished Lecture Notes. 2011. URL: <http://lingphil.mit.edu/papers/heim/fintel-heim-intensional.pdf> (дата обращения: 24.08.2020), а также цитируемую там литературу.

⁴ Куайн У. Кванторы и пропозициональные установки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 33. № 3. С. 213–225.

⁵ Данная проблематика активно обсуждается в отечественной философии. За последние 6 лет по этой теме были опубликованы следующие работы: Суровцев В.А. Что же хотел знать Георг IV // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 2. С. 190–201; Тискин Д.Б. Условное приписывание пропозициональных установок // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 55. № 4. С. 38–43; Борисов Е.В. Определенные дескрипции в контексте аскрипции желания: в защиту квантификационного подхода // Философия. 2017. Т. 1. № 4. С. 27–37; Фролов К.Г. Интернализм и экстернализм как альтернативные стратегии в эпистемологии и семантике // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 74–82; Борисов Е.В. Проблема Куайна возвращается // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 58–61; Доманов О.А. Теория типов в семантике пропозициональных установок //

В данной статье мы рассмотрим одно из новейших направлений в области исследования значения интенциональных глаголов. В частности, речь пойдет о семантических концепциях, объясняющих сочетаемость интенциональных глаголов и подчиненных (или вложенных) предложений разного типа. Данное направление представляет особый интерес для философии языка, поскольку помимо расширения наших знаний о том, как функционируют интенциональные установки, оно дает нам исследовательский материал для анализа отношения между естественным языком и логикой.

Уже Фреге обратил внимание на то, что в сообщении об интенциональной установке подчиненное предложение может вводиться такими вопросительными словами, как «кто», «где», «почему»⁶. Придаточное предложение в таком сообщении представлено вопросом. При этом вопрос не обозначает пропозицию: такое предложение, как «кто пришел», не может быть истинным или ложным в какой-то ситуации⁷.

Более того, не все интенциональные глаголы сочетаются с придаточными предложениями любого типа. Некоторые глаголы могут сочетаться только с декларативными придаточными. «Верить» – один из таких глаголов. Предложение (2) построено грамматически корректно, а предложение (3) – некорректно.

(2) Маша верит, что Иван пришел.

(3) *Маша верит, кто пришел⁸.

Другой класс глаголов сочетается только с вложенными вопросами. Глагол «спрашивать» относится к этому классу глаголов, как показывает контраст между (4) и (5).

(4) Маша спросила, кто пришел.

(5) *Маша спросила, что Иван пришел.

Третий тип пропозициональных глаголов сочетается как с вопросами, так и с утвердительными вложенными предложениями. Таким свойством обладает глагол «знать»: оба предложения (6) и (7) грамматически корректны.

(6) Маша знает, что Иван пришел.

(7) Маша знает, кто пришел.

Проблема, которую мы исследуем в данной статье, связана с отысканием причины, из-за которой интенциональные глаголы так по-разному сочетаются с придаточными предложениями. Изначально считалось, что эта причина имеет синтаксическую природу и не связана с семантикой⁹. Однако

Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 26–37; *Микуртумов И.Б.* Теоретико-типология грамматика, интенционалы и эпистемические установки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 53–57; *Тискин Д.Б.* На новой машине – старым путем // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 50. № 4. С. 74–93; *Tiskin D.B.* Intensionality, n-compositionality and semantic phases // Логико-философские штудии. 2018. Т. 1. № 1. С. 136–150; *Доманов О.А.* Формализация контекстов в теории типов с записями и модулями // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 52. С. 23–38; *Рогонян Г.С.* Референция и вербальные жесты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 81–89.

⁶ Фреге Г. О смысле и значении. С. 238.

⁷ Ср.: *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 90 (Т. 24).

⁸ Здесь и далее звездочкой обозначаются грамматически некорректные предложения.

⁹ *Grimshaw J.* Complement selection and the lexicon // *Linguistic Inquiry*. 1979. Vol. 10. P. 279–326.

со временем были усмотрены весомые доводы в пользу того, что природа этой причины именно семантическая.

Во-первых, в ряде случаев сам смысл тех или иных глаголов говорит нам об их несовместимости с определенными придаточными. Так, если используется пропозициональный глагол «спрашивать», то интуитивно понятно, что декларативное придаточное не будет сочетаться по смыслу с этим глаголом. Во-вторых, были обнаружены случаи, когда один и тот же интенциональный предикат может при сочетании с вопросом давать грамматически некорректное предложение в одних случаях и грамматически корректное в других. Так, предикат «быть уверенным» не сочетается с вопросом, если является частью утвердительного придаточного предложения и прекрасно сочетается с вопросом, если предложение отрицательно¹⁰:

(8) *Маша уверена, пришел ли Иван.

(9) Маша не уверена, пришел ли Иван.

Это демонстрирует, что причина, регулирующая сочетание глагол-придаточное предложение, является семантической по своей природе: отрицание вносит такой вклад в значение общего предложения, который делает возможным сочетание глагола и вопроса. Какие-либо синтаксические свойства, регулирующие сочетание предиката «быть уверенным» и придаточного предложения, здесь ни при чем, ибо остаются одними и теми же как в примере (8), так и в примере (9).

Современные работы по семантике, исследующие данную проблему, исходят из следующей общей стратегии: с точки зрения синтаксиса и теории семантических типов (показывающей, какого рода семантические объекты могут успешно сочетаться друг с другом) любые пропозициональные глаголы могут сочетаться как с декларативными, так и с вопросительными придаточными. Ограничения на совместимость, которые мы видели в приведенных выше примерах, связаны с тем, что в некоторых случаях сочетание глагола и придаточного предложения делает смысл всего сложноподчиненного предложения проблематичным.

Проблематичность значения связана с тем, что оно тривиально (т.е. противоречиво или тавтологично), и поэтому предложение становится грамматически некорректным. Ниже мы представим читателю концепцию тривиальности, влияющей на грамматическую корректность, и покажем, как именно апелляция к ней используется современными семантическими теориями для объяснения закономерностей, рассмотренных в примерах (2)–(9).

2. Семантический аппарат, необходимый для анализа проблемы

2.1. L-аналитичность и грамматика естественного языка

В аналитической философии языка на протяжении долгого времени было распространено убеждение о том, что грамматика естественного языка не чувствительна к логическим ошибкам. Между тем, в современном языкознании существует и иная исследовательская традиция, восходящая к работам Р. Монтегю и Н. Хомского и исследующая естественный язык как принципиально

¹⁰ Mayr C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising // Natural Language Semantics. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 227–278.

формализуемую систему¹¹. В рамках этой традиции было показано, что не всегда неграмматичность какого-то предложения в естественном языке может быть объяснена нарушением синтаксических принципов. Иными словами, есть случаи, когда единственной возможной причиной неграмматичности является проблематичность значения предложения. Дж. Гайевский¹², проанализировав ряд таких случаев, выдвинул идею о том, что тавтологии и противоречия определенного типа отбрасываются естественным языком как грамматически некорректные.

Концепция Гайевского основана на различии между функциональными и содержательными частями речи. Содержательные части речи указывают на предметы или их свойства и действия (это существительные, глаголы, прилагательные, наречия), а функциональные служат для корректного соединения содержательных частей речи внутри предложения (примерами функциональных слов являются детерминаторы («некоторый», «каждый», «этот», «тот»), предлоги, союзы и др.)¹³. Функциональные термины, в отличие от содержательных, считаются частью грамматики естественного языка.

Идея Гайевского состоит в том, что предложения, интерпретация которых оказывается противоречивой или тавтологичной в силу семантических свойств входящих в его состав функциональных терминов, воспринимаются как грамматически некорректные в естественном языке. Такого рода предложения он называет L-аналитическими.

Как мы покажем ниже, апелляция к L-аналитичности стала и одним из главных инструментов анализа случаев грамматической некорректности при сочетании интенциональных глаголов с придаточными предложениями.

2.2. Семантика вопросов

Прежде чем мы сможем представить современные концепции, объясняющие сочетаемость или несочетаемость интенциональных установок с вопросами, нам необходимо рассмотреть, как интерпретируются вопросы в современной семантике.

Согласно влиятельной семантической теории, которая была сформулирована Ч. Хэмблином¹⁴, значением вопроса является множество пропозиций – возможных ответов на него. Так, значением предложения (10) является множество пропозиций – содержащее такие пропозиции, как *Иван пришел*, *Ольга пришла*, *Маша пришла* и т.д.¹⁵ Некоторые исследователи добавляют сюда и возможный ответ *Никто не пришел*.

(10) Кто пришел?

¹¹ См. об этом, например: *Partee B. Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact // Formal Semantics and Pragmatics: Discourse, Context, and Models. 2011. Vol. 6. P. 1–52.*

¹² *Gajewski J. On Analyticity in Natural Language. Ms. Cambridge (MA), 2002.*

¹³ *Carnie A. Syntax: a generative introduction. 3rd ed. L., 2012. P. 51–54.*

¹⁴ *Hamblin C.L. Questions in Montague grammar // Foundations of language. 1973. Vol. 10. No. 1. P. 41–53.*

¹⁵ Здесь и далее, говоря о тех или иных пропозициях, мы выделяем курсивом обозначающие их выражения.

Так называемые полярные вопросы, пример которых приведен в (10), в такой системе также анализируются как множества пропозиций.

(11) Он пришел?

Содержанием этого вопроса является множество, состоящее из пропозиций *он пришел* и *он не пришел*.

2.3. Пресуппозиция исключенного третьего

Еще одним элементом, необходимым для анализа рассматриваемой в статье проблематики, является пресуппозиция исключенного третьего. Пресуппозиции – это элементы семантического содержания выражения, которые присутствуют как в отрицательном, так и в утвердительном предложении. Например, и предложение «Маша знает, что Ваня виновен», и его отрицание в «Маша не знает, что Ваня виновен», позволяют нам заключить, что Ваня виновен. Пресуппозиция – это то требование, которое должно выполняться для того, чтобы мы вообще могли оценивать предложение на предмет его истинности в какой-то ситуации.

Пресуппозиция исключенного третьего иногда ассоциируется с глаголом «считать» (когда он используется в смысле «полагать», «думать», «иметь мнение»). Ее можно наблюдать, сравнив предложения (a) и (b) в (12), которые зачастую рассматриваются равные по своему смыслу¹⁶. Они отличаются друг от друга тем, где расположено отрицание: в случае (a) оно относится к пропозициональному глаголу «считать», а в случае (b) к глаголу вложенного предложения «быть виновным».

(12) a. Маша не считает, что Ваня виновен = b. Маша считает, что Ваня не виновен.

Семантическое объяснение для данного феномена состоит в следующем¹⁷. Пропозициональный глагол «считать» несет в себе пресуппозицию, а именно пресуппозицию исключенного третьего: индивид либо считает, что вложенное предложение истинно, либо считает, что оно ложно (истинно его отрицание), а третьего не дано. Конкретно в случае (12) эта пресуппозиция будет такой: я считаю, что либо Ваня виновен, либо не виновен, а третьего не дано. Теперь совместим это с собственно содержанием (смыслом) предложения (12)a (т.е. с его условиями истинности). Это предложение истинно, если и только если Маша не считает, что Ваня виновен. В каком случае пресуппозиция совместима с этим значением? Пресуппозиция дает нам два варианта, и один из них не совместим со значением: «Маша считает, что Ваня виновен» противоречит «Маша не считает, что Ваня виновен». Остается только один способ совместить пресуппозицию и содержание, которое утверждается в (12)a: «Маша считает, что Ваня не виновен» не противоречит «Маша не считает, что Ваня виновен». Поскольку это единственный из двух вариантов удовлетворения пресуппозиции в данном случае, носитель языка делает вывод, что (12)b равно по смыслу (12)a.

Отметим здесь, что если бы данный глагол не имел соответствующей пресуппозиции, то согласно семантике, предложенной Хинтиккой, предло-

¹⁶ В то же время нельзя сказать, что данные предложения совсем не различаются по смыслу. Более подробно это обсуждается в разделе 4 данной статьи.

¹⁷ См.: Gajewski J. Neg-raising and polarity // *Linguistics and Philosophy*. 2007. Vol. 30. P. 289–328 и цитируемую там литературу.

жение (12)а означало бы «Не во всех мирах, совместимых с тем, во что я верю, Ваня виновен». Это достаточно слабое утверждение: оно означает, что мои верования совместимы как с тем, что Ваня виновен, так и с тем, что он не виновен. Иными словами, я занимаю позицию агностика в данном вопросе.

Такого рода равенство смыслов имеется не всегда: в примере (13) предложение (а) отличается по смыслу от предложения (b).

- (13) а. Маша не знает, что Ваня виновен \neq б. Маша знает, что Ваня не виновен.

Предложение (13)а отличается от рассмотренного тем, что глагол «знать» не несет в себе пресуппозицию исключенного третьего, поэтому предложения (а) и (b) в данном случае не воспринимаются как равные по своему значению. Именно это различие между двумя глаголами используется современными семантическими концепциями для объяснения того факта, что «считать» не сочетается с вопросами, а «знать» сочетается.

2.4. Семантика слова «только» и оператора E_{h}

Последний инструмент семантического анализа, который нам потребуется, связан с порождением так называемых контекстуальных альтернатив и их отрицанием в процессе интерпретации. Этот механизм был изначально разработан М. Руттом¹⁸ для семантического анализа слова «только», способного отражать наше интуитивное понимание значения этого слова, благодаря которому предложение «Только Андрей устал» выражает как бы две мысли: (i) Андрей устал, (ii) никто, кроме Андрея (из контекстуально релевантной группы людей), не устал.

Согласно Руту, для того, чтобы описанное понимание было возможным, семантика слова «только» должна, сочетаясь со значением клаузы, следующей за этим словом (в данном случае клаузой «Андрей устал»), не только утверждать ее содержание, т.е. пропозицию, что Андрей устал, но и отрицать ряд контекстуально релевантных альтернатив. Для контекста, в котором релевантная группа людей состоит из Андрея, Маши и, скажем, Светы, релевантные альтернативы будут представлены следующим множеством пропозиций: {*Андрей устал, Маша устала, Света устала*}. Семантика слова «только» отрицает все те альтернативы из приведенного множества, которые не следуют логически из значения клаузы, идущей за словом «только». Применительно к нашему примеру, из трех пропозиций, составляющих множество альтернатив, из пропозиции, что Андрей устал, логически не следуют только две пропозиции – *Маша устала* и *Света устала*. Именно они и отрицаются. В результате мы получаем искомое значение исходного предложения: Андрей устал, а Маша и Света не устали.

Операторы, подобные слову «только», могут присутствовать в логической структуре предложения, не будучи произносимыми явным образом. В таких случаях они нередко обозначаются как « E_{h} » (от англ. слова *exhaustification*)¹⁹.

¹⁸ Rooth M. A theory of focus interpretation // *Natural language semantics*. 1992. Vol. 1. No. 1. P. 75–116.

¹⁹ Подробнее о таких операторах и сферах их применения см.: *Chierchia G., Fox D., Spector B. The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and*

3. Экспликация ограничений на сочетание глаголов и придаточных предложений

3.1. Почему считать не сочетается с вопросами

Одно из семантических решений проблемы сочетаемости интенциональных глаголов с разными типами вложенных предложений было сформулировано в концепции Н. Тайлер, Ф. Роелофсена и М. Алони²⁰ (далее: «Тайлер и др.»).

Авторы в этой и других статьях разработали свою методологическую базу интерпретации предложений естественного языка, которая получила название «инквизитивная семантика» (inquisitive semantics). Понимание сути их предложения не требует понимания технических деталей, в этой статье мы представим содержательную часть их концепции. В некоторых аспектах наше изложение будет упрощенным.

В их системе любое предложение – и утвердительное, и вопросительное – интерпретируется как обозначающее множество пропозиций, а семантика для всех пропозициональных глаголов задана таким образом, что они обозначают функции, которые берут множество пропозиций в качестве аргумента. Вопрос, как было сказано выше, обозначает множество пропозиций – ответов на данный вопрос, а утвердительное предложение – множество, содержащее одну пропозицию (которая в более традиционных системах считается смыслом предложения). Это сделано для того, чтобы снять ограничения технического характера на сочетаемость пропозициональных глаголов и вложенных предложений. В принципе, в этой системе любые глаголы могут сочетаться с любыми предложениями, просто некоторые сочетания делают соответствующие сложноподчиненные предложения L-аналитическими, и поэтому они становятся грамматически некорректными.

Такие интенциональные глаголы, как «знать» и «считать», сочетаясь с придаточным предложением и именной группой (подлежащим), в этой системе обозначают функцию, которая сочетается с множеством пропозиций (т.е. семантическим содержанием вложенного предложения) и с индивидом (т.е. содержанием подлежащего), отображая их в пропозицию, которая истинна в мире оценки всего сложноподчиненного предложения, только если во множестве пропозиций имеется пропозиция, истинная во всех мирах, совместимых с тем, во что верит или что знает индивид в мире оценки.

Рассмотрим, пример с глаголом «знать», который сочетается и с утвердительным предложением, как показано в (14), и с вопросом, как показано в (15).

(14) Маша знает, что Иван пришел.

(15) Маша знает, кто пришел.

Предложение (14) получает такую же интерпретацию, как в системе Хинтикки: множество пропозиций состоит лишь из одной пропозиции *Иван*

pragmatics // Semantics: An international handbook of natural language meaning. 2012. No. 3. P. 2297–2332.

²⁰ Theiler N., Roelofsens F., Aloni M. A uniform semantics for declarative and interrogative complements // Journal of Semantics. 2018. Vol. 35. No. 3. P. 409–466; Theiler N., Roelofsens F., Aloni M. Picky predicates: why believe doesn't like interrogative complements, and other puzzles // Natural Language Semantics. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 95–134.

пришел, поэтому предложение истинно, если во всех мирах, совместимых с тем, что Маша знает, Иван пришел.

Предложение (15) интерпретируется так: есть одна пропозиция в составе того множества пропозиций, которое обозначается вопросом «Кто пришел?», которая истинна во всех мирах, совместимых с тем, что Маша знает. Это множество, как мы сказали выше, обсуждая примеры (10) и (11), содержит целый ряд пропозиций – ответов на данный вопрос. Соответственно, предложение (15) будет истинным, если Маша знает, что Олег пришел, или если она знает, что Игорь пришел... или если она знает, что никто не пришел.

Рассмотрим теперь соответствующие предложения с глаголом «считать»: грамматически корректное с утвердительным предложением в (16) и грамматически некорректное с вопросительным предложением в (17).

(16) Маша считает, что Иван пришел.

(17) *Маша считает, кто пришел.

Предложение (16) получает сходную интерпретацию с вышерассмотренным предложением (14): во всех мирах, совместимых с тем, во что Маша верит, истинна одна-единственная пропозиция во множестве пропозиций, которое обозначается предложением «Иван пришел».

Согласно концепции, предлагаемой Тайлер и др., предложение (17) получает условия истинности, сходные с условиями истинности предложения (15): есть одна пропозиция среди множества пропозиций – возможных ответов на вопрос «Кто пришел?», которая истинна во всех мирах, совместимых с тем, во что верит Маша. Если бы не пресуппозиция исключенного третьего, то предложение (17) получило бы вполне рациональную интерпретацию. Тем не менее это предложение воспринимается как грамматически некорректное. С точки зрения Тайлер и др., проблема заключается в пресуппозиции исключенного третьего.

Напомним, что пресуппозиция исключенного третьего состоит в том, что индивид либо считает, что вложенная клауза истинна, либо он считает, что истинно ее отрицание. В рассматриваемой семантической системе все предложения обозначают множество пропозиций. Вопрос в том, как понимать отрицание множества пропозиций. Отрицание здесь определено таким образом, что когда оно применяется к множеству пропозиций, то в результате получается новое множество пропозиций, содержащее только те пропозиции, которые не совместимы (противоречат) каждой из пропозиций в исходном множестве. Отрицание обычного утвердительного предложения «Иван пришел» интерпретируется как множество пропозиций, которые этому предложению противоречат. Это будет множество, содержащее одну пропозицию *Иван не пришел*²¹. Отрицание вопроса при таком определении будет пустым множеством пропозиций. Причина этого состоит в следующем. Например, возьмем вопрос «Кто пришел?», который обозначает множество пропозиций – ответов на этот вопрос: *Аня пришла, Иван пришел, Олег пришел, никто не пришел*. Тот факт, что среди возможных ответов оказывается *никто не пришел*, играет здесь ключевую роль. Не существует ни одной пропозиции, которая противоречит всем этим пропозициям

²¹ Если быть более точным, то сюда войдут также пропозиции, содержащие ее в качестве конъюнкта, т.е. *Иван не пришел, и погода плохая*. Это не окажет влияния на интерпретацию предложения.

одновременно: в каждом возможном мире либо кто-то пришел, либо никто не пришел.

Пресуппозиция исключенного третьего, таким образом, в случае (16), работает так же, как и в более стандартных системах, рассмотренных нами выше. Она будет состоять в следующем: либо Маша верит в то, что Иван пришел, либо она верит в то, что он не пришел. Эта пресуппозиция не оказывает никакого влияния на наше понимание предложения в данном случае.

Иная ситуация с предложением (17): здесь пресуппозиция играет ключевую роль и фактически делает предложение бессодержательным. Она будет сводиться к следующему: либо существует одна пропозиция среди множества пропозиций, обозначаемых вопросом «Кто пришел?», которая истинна во всех мирах, где выполняется все то, во что верит Маша; либо существует одна пропозиция среди пустого множества пропозиций, которая истинна во всех мирах, где выполняется все то, во что верит Маша. Естественно, что среди пустого множества пропозиций нет ни одной пропозиции. Следовательно, пресуппозиция сводится к тому, что есть одна пропозиция среди множества пропозиций, содержащих пропозиции *Аня пришла, Иван пришел, Олег пришел, никто не пришел*, в которую верит Маша.

Теперь вернемся к условиям истинности данного предложения, рассмотренному нами выше, и убедимся, что оно эквивалентно этой пресуппозиции. В каждом мире, где выполняется пресуппозиция (т.е. где предложение вообще может рассматриваться на предмет оценки в терминах условий истинности), оно гарантированно является истинным. В этом, с точки зрения Тайлер и др., и состоит проблема с предложением (17): у него нет возможности быть ложным, а значит, оно не несет никакой информации. Таким образом, значение данного предложения является тривиальным.

Важно отметить, что оно является тривиальным в силу сочетаемости функциональных терминов: пропозиционального глагола-квантора «считать» и вопроса, который вводится вопросительным словом «кто». Это означает, что оно является L-аналитичным. Таким образом, объясняется тот факт, что предложение является грамматически некорректным.

В своей работе Тайлер и др. также предлагают семантику для таких глаголов, как «спрашивать», которая объясняет их сочетаемость исключительно с вопросами в терминах L-аналитичности.

3.2. Влияние отрицания на совместимость глагола с вопросительным придаточным

Сведение к L-аналитичности используется и для объяснения случаев, когда отрицание интенционального глагола делает его совместимым с вопросительным придаточным предложением. Рассмотрим следующие примеры:

- (18) а. * Андрей уверен, курит ли Маша. б. Андрей не уверен, курит ли Маша.

Чтобы объяснить, как именно это происходит, К. Маир²² предлагает теорию, согласно которой интенциональные глаголы способны вводить множество альтернатив, и предложение, содержащее интенциональный глагол,

²² Maier C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising. P. 227–278.

может содержать скрытый оператор E_{xh} , отрицающий все альтернативы, которые не следуют из содержания предложения, с которым сочетается E_{xh} .

Согласно Маиру, предложение (18)а имеет следующую общую структуру: $[E_{xh}(\text{Андрей уверен, курит ли Маша})]$, где E_{xh} – это непроизносимый оператор. Часть этой структуры, помещенная в круглые скобки, получает следующую интерпретацию: *либо Андрей уверен, что Маша курит, либо Андрей уверен, что Маша не курит*. Поясним, не вдаваясь в технические детали, почему это так. Вложенный вопрос «курит ли Маша» интерпретируется как множество возможных ответов на него (см. обсуждение примера (11) выше). Назовем это множество S ($S = \{\text{Маша курит, Маша не курит}\}$). Вся часть в круглых скобках интерпретируется так: в S содержится пропозиция, которая истинна во всех мирах, совместимых с (уверенными) представлениями Андрея. А поскольку этих пропозиций в S всего две и они несовместимы друг с другом, то получается, что либо Андрей уверен, что Маша курит, либо Андрей уверен, что Маша не курит.

Предикат «уверен» также генерирует множество из альтернатив, которые Маир представляет так: $\{\text{Андрей уверен, что Маша курит; Андрей уверен, что Маша не курит}\}$. Ключевую значимость имеет здесь то обстоятельство, что ни одна из этих двух альтернатив не следует из содержания той части структуры (18)а, которая взята в круглые скобки, т.е. из пропозиции *либо Андрей уверен, что Маша курит, либо Андрей уверен, что Маша не курит* (ибо из дизъюнкции $a \vee \neg a$ не следует ни a , ни $\neg a$). В силу этого обстоятельства оператор E_{xh} , сочетаясь с частью в круглых скобках, требует, чтобы в интерпретацию всего предложения (18)а входило отрицание этих двух альтернатив. А поскольку эти две альтернативы противоречат друг другу, то их отрицание тривиально истинно. Предложение типа (18)а оказывается L-аналитическим и поэтому грамматически некорректным, независимо от того, какие именно содержательные термины в него входят.

С предложением (18)б дела обстоят иначе. Его логическая структура выражается следующим образом: $[E_{xh}(\neg \text{Андрей уверен, курит ли Маша})]$. В результате присутствующего в ней отрицания, часть в круглых скобках интерпретируется так: $\neg(\text{либо Андрей уверен, что Маша курит, либо Андрей уверен, что Маша не курит})$, т.е. *Андрей не уверен, что Маша курит, и Андрей не уверен, что Маша не курит*. Также генерируется следующее множество альтернатив: $\{\text{неверно, что Андрей уверен, что Маша курит; неверно, что Андрей уверен, что Маша не курит}\}$. Как обычно, оператор E_{xh} должен утверждать пропозицию *Андрей не уверен, что Маша курит, и Андрей не уверен, что Маша не курит* и отрицать те альтернативы, которые не следуют из этой пропозиции. Однако благодаря присутствующему отрицанию все альтернативы из приведенного выше множества следуют из пропозиции (ведь $\neg(a \vee \neg a)$ эквивалентно $(\neg a \wedge a)$). Иными словами, из *Андрей не уверен, что Маша курит, и Андрей не уверен, что Маша не курит*, следует *неверно, что Андрей уверен, что Маша курит, равно как и неверно, что Андрей уверен, что Маша не курит*. Выражаясь обычным языком, если Андрей не уверен, курит ли Маша, то это значит, что он не уверен, что она курит, и что он не уверен, что она не курит. В результате, E_{xh} не отрицает ни одного элемента из множества альтернатив, и, соответственно, это отрицание не становится частью интерпретации предложения (18)б. Само это предложение, таким образом, не становится тривиальным (L-аналитическим), и поэтому оно грамматически корректно.

4. Недостатки существующих концепций и направление дальнейших исследований

Отметим некоторые сложности, с которыми сталкиваются описанные нами концепции, а также обозначим открытые вопросы в данном исследовательском направлении.

Остановимся сначала на более конкретных возражениях к рассмотренным выше концепциям. И система Тайлер и др., и система Маира опираются на пресуппозицию исключенного третьего, которая описывается как часть семантического содержания таких глаголов, как «считать» и «верить». Именно эта пресуппозиция объясняет, почему эти глаголы не могут сочетаться с вопросительными предложениями. Выше мы указали, что если бы такой пресуппозиции не было, то предложение «Маша не считает/верит, что...» означало бы, что Маша занимает позицию агностика, что она еще не определилась со своим мнением по вложенному предложению. Интересно, что такое прочтение у такого рода предложений, с нашей точки зрения, имеется. Так, мы вполне осмысленно можем употребить предложение (19).

(19) Я не считаю, что Ваня виновен, и я не считаю, что Ваня не виновен, это может определить только суд.

Отметим, что если бы глагол «считать» в (19) сопровождался такой пресуппозицией, то это предложение имело бы точно такое же значение, как (20), которое, конечно же, является противоречием. Таким образом, глагол «считать» не всегда несет пресуппозицию исключенного третьего.

(20) Я считаю, что Ваня не виновен, и я считаю, что Ваня виновен, это может определить только суд.

Поскольку обе вышеописанные теории в своем объяснении того факта, что глагол «считать» не сочетается с вопросами, используют именно эту пресуппозицию, отмеченный нами в (19) факт является общей для них серьезной проблемой: ведь глагол «считать» не всегда несет нужную пресуппозицию, однако он никогда не сочетается с вопросами.

Отметим также и открытые вопросы более общего характера. Работа в данном направлении началась лишь несколько лет назад. В настоящее время отсутствует единая картина, объясняющая все случаи сочетаемости и несочетаемости определенных интенциональных глаголов и вложенных предложений.

В. Уегаки и Я. Судо в своей статье отмечают еще один класс глаголов, которые не сочетаются с вопросами, при этом они не несут пресуппозицию исключенного третьего²³. Это такие глаголы, как «надеяться». (Так, можно сказать: «Он надеется, что Ваня придет», но нельзя сказать: «Он надеется, кто придет»). Для глаголов такого типа Уегаки и Судо разрабатывают новый подход, который основывается на их свойстве быть функцией предпочтения. Анализ, который они предлагают, также апеллирует к L-аналитичности.

Однако остаются другие глаголы, которые не несут пресуппозицию исключенного третьего и при этом не сочетаются с вопросами. В русском языке сюда можно отнести глагол «допускать»²⁴. Пресуппозиции исключенного

²³ Uegaki W, Sudo Y. The *hope-wh puzzle // Natural Language Semantics. 2019. Vol. 27. No. 4. P. 323–356.

²⁴ Глагол «допускать» сам по себе интересен, ибо в отличие от других пропозициональных глаголов, похоже, предполагает экзистенциальную, а не универсальную квантификацию

третьего для этого глагола нет: предложения «Маша допускает, что Иван не пришел» и «Маша не допускает, что Иван пришел» не значат одно и то же. При этом все равно нельзя сказать: «Маша допускает, кто пришел» или «Маша допускает, пришел ли Ваня».

Еще одним интересным открытым направлением для исследовательской работы является анализ различия функционирования вложенных полярных вопросов и вопросов, вводимых вопросительными местоимениями. К. Маир обсуждает ситуацию с глаголом «be certain» (быть уверенным) в английском языке, который в положительных предложениях не сочетается с полярными вопросами, но сочетается со специальными вопросами (хотя и остается не вполне приемлемым). Маир предлагает механизм «особого случая», объясняющий относительную приемлемость «be certain» и специальных вопросов.

Однако, на наш взгляд, здесь имеет место более общий феномен, требующий пристального исследования. Так, можно, например, сказать: «Маша подозревает, куда могли исчезнуть деньги», но нельзя сказать: «Маша подозревает, могли ли исчезнуть деньги». Существуют глаголы (например, как «сомневаться»), для которых, казалось бы, наблюдается обратная картина: полярный вопрос приемлем, а специальный нет. Так, можно сказать: «Я сомневаюсь, пришел ли Олег», но нельзя сказать: «Я сомневаюсь, кто пришел». Между тем, мы обращаем внимание, что помещение специального вопроса внутри предложной группы (начинающейся, например, со словосочетания «в том») значительно повышает допустимость сочетания специального вопроса с таким глаголом, как «сомневаться»: вариант «Я сомневаюсь в том, кто пришел» выглядит вполне допустимым²⁵. Однако помещение полярного вопроса внутри предложной группы никак не улучшает ситуацию. Если полярный вопрос не употребим с тем или иным пропозициональным предикатом, то он таковым и остается, даже будучи помещенным внутри предложной группы. Это видно на примере предиката «быть удивленным», который не совместим с полярным вопросом и плохо совместим со специальным вопросом. Так, нельзя сказать: «Маша удивлена, пришел ли Иван», но предложения «Маша удивлена, кто пришел» и «Маша удивлена, откуда деньги» звучат, хоть и не идеально, но гораздо лучше. При этом версии этих предложений, в которых специальные вопросы находятся внутри предложной группы, звучат еще лучше: «Маша удивлена тем, кто пришел», «Маша удивлена тем, откуда деньги»²⁶. Однако помещение в предложную группу полярного вопроса никак не улучшает исходное предложение: «Маша удивлена тем, пришел ли Иван» так же плохо, как и «Маша удивлена, пришел ли Иван».

Насколько нам известно, в литературе в настоящий момент нет общего механизма, позволяющего рассматривать полярные вопросы отличным от специальных вопросов образом и правильно предсказывающего распределение этих вопросов в качестве вложенных. Сходным образом, нет ответа и на вопрос о том, в чем вклад погружения вопроса внутри предложной группы.

по возможным мирам (см.: Močnik M. Slovenian 'dopuščati' and the semantics of epistemic modals // Formal Approaches to Slavic Linguistics. 2019. Vol. 27. P. 418–437).

²⁵ Уегаки и Судо обсуждают сходные эффекты для английского предлога «about».

²⁶ Здесь мы исходим из распространенного в современном синтаксисе допущения, что существительные и местоимения в творительном падеже рассматриваются как находящиеся внутри предложной группы (ведь известно, что творительный падеж во многих языках выражается через использование предлога).

5. Заключение

В данной статье мы рассмотрели современные семантические исследования сочетаемости пропозициональных предикатов с придаточными предложениями разных типов. Мы представили эти исследования как продолжение программы Г. Фреге, которая рассматривает семантический анализ языка как анализ структуры объективного содержания человеческой мысли. Мы показали не только те успехи, которые были достигнуты в этой области, но и ту степень, в которой они все еще остаются неполными и требующими дальнейшей работы.

Список литературы

- Борисов Е.В. Определенные дескрипции в контексте аскрипции желания: в защиту квантификационного подхода // *Философия*. 2017. Т. 1. № 4. С. 27–37.
- Борисов Е.В. Проблема Куайна возвращается // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 4. С. 58–61.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
- Доманов О.А. Теория типов в семантике пропозициональных установок // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 4. С. 26–37.
- Доманов О.А. Формализация контекстов в теории типов с записями и модулями // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 52. С. 23–38.
- Куайн У. Кванторы и пропозициональные установки / Пер. с англ. С.Н. Засыпкина // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. 33. № 3. С. 213–225.
- Микиртумов И.Б. Теоретико-типовая грамматика, интенционалы и эпистемические установки // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 4. С. 53–57.
- Рогонян Г.С. Референция и вербальные жесты // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 440. С. 81–89.
- Суровцев В.А. Что же хотел знать Георг IV // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 2. С. 190–201.
- Тускин Д.Б. Условное приписывание пропозициональных установок // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 55. № 4. С. 38–43.
- Тускин Д.Б. На новой машине – старым путем // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 50. № 4. С. 74–93.
- Фреге Г. Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. 511 с.
- Фролов К.Г. Интернализм и экстернализм как альтернативные стратегии в эпистемологии и семантике // *Вопросы философии*. 2017. № 2. С. 74–82.
- Carnie A. *Syntax: a generative introduction*. 3rd ed. L.: Wiley-Blackwell, 2012. 526 p.
- Chierchia G., Fox D., Spector B. The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and pragmatics // *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. 2012. No. 3. P. 2297–2332.
- Gajewski J. *On Analyticity in Natural Language*. Ms. Cambridge (MA): MIT, 2002. 18 p.
- Gajewski J. Neg-raising and polarity // *Linguistics and Philosophy*. 2007. Vol. 30. P. 289–328.
- Grimshaw J. Complement selection and the lexicon // *Linguistic Inquiry*. 1979. Vol. 10. P. 279–326.
- Hamblin C.L. Questions in Montague grammar // *Foundations of language*. 1973. Vol. 10. No. 1. P. 41–53.
- Hintikka J. *Semantics for propositional attitudes* // *Philosophical logic* / Ed. by J.W. Davis, D.J. Hockney & W.K. Wilson. Dordrecht: Reidel, 1969. P. 21–45.

- Mayr C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising // *Natural Language Semantics*. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 227–278.
- Мо́чник М. Slovenian ‘dopuščati’ and the semantics of epistemic modals // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 2019. Vol. 27. P. 418–437.
- Partee B. Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact // *Formal Semantics and Pragmatics: Discourse, Context, and Models*. 2011. Vol. 6. P. 1–52.
- Rooth M. A theory of focus interpretation // *Natural language semantics*. 1992. Vol. 1. No. 1. P. 75–116.
- Theiler N., Roelofsen F., Aloni M. A uniform semantics for declarative and interrogative complements // *Journal of Semantics*. 2018. Vol. 35. No. 3. P. 409–466.
- Theiler N., Roelofsen F., Aloni M. Picky predicates: why believe doesn’t like interrogative complements, and other puzzles // *Natural Language Semantics*. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 95–134.
- Tiskin D.B. Intensionality, n-compositionality and semantic phases // *Логико-философские штудии*. 2018. Т. 1. № 1. С. 136–150.
- Uegaki W., Sudo Y. The *hope-wh puzzle // *Natural Language Semantics*. 2019. Vol. 27. No. 4. P. 323–356.
- Von Fintel K., Heim I. Intensional semantics. Unpublished Lecture Notes. 2011. URL: <http://lingphil.mit.edu/papers/heim/fintel-heim-intensional.pdf> (дата обращения: 24.08.2020).

Triviality and grammatical correctness: contemporary issues in intensional semantics

Ekaterina V. Vostrikova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr S. Kusliy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

The article is devoted to the study of the semantics of embedded questions (interrogative subordinate clauses), as well as the nature of restrictions on the licensing of declarative and interrogative clauses as complements of propositional attitude verbs. The authors show that this topic goes back to the key aspects of the semantic and cognitive program of G. Frege and is of key importance for the philosophy of language. Using the analytical apparatus of contemporary semantics, the authors investigate this topic on the material of the most recent theoretical works. They show how the semantics of embedded questions contributes to the development of a new perspective on the structure of meaning and the cognitive potential of natural language users. The authors also identify a number of theoretical shortcomings and empirical limitations of several theories of the semantics of embedded questions and point at some directions for future research.

Keywords: semantics of embedded questions, attitude reports, L-analyticity, philosophy of language

For citation: Vostrikova, E.V., Kusliy, P.S. “Trivial’nost’ i grammaticheskaya korrektnost’: sovremennye problemy intensional’noi semantiki” [Triviality and grammatical correctness: contemporary issues in intensional semantics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 52–68. (In Russian)

References

- Borisov, E.V. "Opredelennye deskripcii v kontekste askripcii zhelaniya: v zashchitu kvantifikatsionnogo podhoda" [Definite descriptions in desire reports: in defense of a quantificational approach], *Filosofiya*, 2017, Vol. 1, No. 4, pp. 27–37. (In Russian)
- Borisov, E.V. "Problema Kuayna vozvrashaetsya" [Quine's problem is coming back], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 55, No. 4, pp. 58–61. (In Russian)
- Carnie, A. *Syntax: a generative introduction*. 3rd ed. London: Wiley-Blackwell, 2012. 526 pp.
- Chierchia, G., Fox, D. & Spector, B. "The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and pragmatics", *Semantics: An international handbook of natural language meaning*, 2012, No. 3, pp. 2297–2332.
- Domanov, O.A. "Teoriya tipov v semantike propzitsional'nyh ustanovok" [Type theory in the semantics of propositional attitudes], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 55, No. 4, pp. 26–37. (In Russian)
- Domanov, O.A. "Formalizatsiya kontekstov v teorii tipov s zapisyami i modulyami" [Formalization of contexts in type theory with records and modules], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No. 52, pp. 23–38. (In Russian)
- Frege, G. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics], trans. by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press, 2000. 511 pp. (In Russian)
- Frolov, K.G. "Internalizm i eksternalizm kak alternativnye strategii v epistemologii i semantike" [Internalism and externalism as alternative approaches in epistemology and semantics], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 2, pp. 74–82. (In Russian)
- Gajewski, J. *On Analyticity in Natural Language*. Ms. Cambridge, MA: MIT, 2002. 18 pp.
- Gajewski, J. "Neg-raising and polarity", *Linguistics and Philosophy*, 2007, Vol. 30, pp. 289–328.
- Grimshaw, J. "Complement selection and the lexicon", *Linguistic Inquiry*, 1979, Vol. 10, pp. 279–326.
- Hamblin, C.L. "Questions in Montague grammar", *Foundations of language*, 1973, Vol. 10, No. 1, pp. 41–53.
- Hintikka, J. "Semantics for propositional attitudes", *Philosophical logic*, ed. by J.W. Davis, D.J. Hockney & W.K. Wilson. Dordrecht: Reidel, 1969, pp. 21–45.
- Mayr, C. "Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising", *Natural Language Semantics*, 2019, Vol. 27, No. 3, pp. 227–278.
- Mikirtumov, I.B. "Teoretiko-tipovaya grammatika, intensionaly i epistemicheskie ustanovki" [Type theoretical grammar, intensional entities and epistemic attitudes], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 55, No. 4, pp. 58–61. (In Russian)
- Močnik, M. "Slovenian 'dopuščati' and the semantics of epistemic modals", *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 2019, Vol. 27, pp. 418–437.
- Partee, B. "Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact", *Formal Semantics and Pragmatics: Discourse, Context, and Models*, 2011, Vol. 6, pp. 1–52.
- Quine, W.V. "Kvantory i propozitsional'nye ustanovki" [Quantifiers and propositional attitudes], trans. by S.N. Zasyupkin, *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2012, Vol. 33, No. 3, pp. 213–225. (In Russian)
- Rogonyan, G.S. "Referenciya i verbal'nye zhesty" [Reference and verbal gestures], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 440, pp. 81–89. (In Russian)
- Rooth, M. "A theory of focus interpretation", *Natural language semantics*, 1992, Vol. 1, No. 1, pp. 75–116.
- Surovtsev, V.A. "Chto zhe hotel znat' Georg IV" [What did George IV wish to know?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 2, pp. 190–201. (In Russian)
- Theiler, N., Roelofsen, F. & Aloni, M. "A uniform semantics for declarative and interrogative complements", *Journal of Semantics*, 2018, Vol. 35, No. 3, pp. 409–466.
- Theiler, N., Roelofsen, F. & Aloni, M. "Picky predicates: why believe doesn't like interrogative complements, and other puzzles", *Natural Language Semantics*, 2019, Vol. 27, No. 2, pp. 95–134.

- Tiskin, D.B. “Na novoj mashine – starym putem” [New machinery, olden tasks?], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 50, No. 4, pp. 74–93. (In Russian)
- Tiskin, D.B. “Uslovnnoe pripisyvanie propozitsional’nyh ustanovok” [Conditional attitude ascription], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2016, Vol. 55, No. 4, pp. 38–43. (In Russian)
- Tiskin, D.B. “Intensionality, n-compositionality and semantic phases”, *Logico-filosofskie shtudii*, 2018, Vol. 1, No. 1, pp. 136–150.
- Uegaki, W. & Sudo, Y. “The *hope-wh puzzle”, *Natural Language Semantics*, 2019, Vol. 27, No. 4, pp. 323–356.
- Von Fintel, K. & Heim, I. *Intensional semantics*. Unpublished Lecture Notes. 2011 [<http://lingphil.mit.edu/papers/heim/fintel-heim-intensional.pdf>, accessed on 24.08.2020].
- Wittgenstein, L. “Filosofskie issledovaniya” [Philosophical investigations], trans. by M.S. Kozlova and Yu.A. Aseev, in: L. Wittgenstein, *Filosofskie raboty* [Philosophical works], Pt. I. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–319. (In Russian)